

тить ее в печально знакомую «главную» задачу советской педагогики – воспитание гармонично развитой личности, «нового человека». Однако, к античному педагогическому наследию ныне очень серьезно и внимательно относится мировая философская мысль, создавая аналитические предпосылки в нашем веке для новой содержательной транскрипции столь сложной категории, какой является «пайдейя». И эта тенденция должна всемерно укрепляться, особенно в современных условиях, когда речь ведется о философских основаниях педагогики.

«РУССКАЯ ИДЕЯ» НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

© Николаевская Т.Е.*

Институт профессиональных инноваций, г. Москва

В современном языке понятие «русская идея» не только наполняется новым смыслом, но и утрачивает его, так как нередко употребляется в контексте, который искажает его традиционное философское значение. Поэтому вопрос о «русской идее» остается актуальным. В данной статье «русская идея» рассматривается как ключевой смысл феномена русской философии, как понятие, выражающее характер и специфику русского мировоззрения, национального сознания и культуры. Содержание статьи основано на суждениях и выводах Н.А. Бердяева, изложенных в его работе «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века».

Философы, которые исследуют особенности русского философского мировоззрения, отмечают трудность рационального определения его общего национального типа. В своей работе «Русская идея» Николай Александрович Бердяев даже цитирует Тютчева: «Умом Россию не понять!» Осуществляя собственную попытку понимания России, русской мудрости и её сосредоточия – философии, столь трудной для рационального познания, Бердяев задается вопросом: «что замыслил Творец о России?»

Замысел Творца, полагает Бердяев, постигаем через «добродетели веры, надежды, любви», несмотря на то что в русском историческом опыте было много отталкивающего. Как и славянофилы, Бердяев считает, что русское сознание есть «вмещение противоположного и непредсказуемого». Бердяев объясняет это прерывистостью российского исторического процесса, но, в отличие от славянофилов, он не считает эту прерывистость

* Преподаватель кафедры Гуманитарных наук, кандидат философских наук.

органичной и естественной. Неровная, сложная, иногда пугающая русская история – источник выявления разных образов русского государства и народа. По мнению Бердяева, Русь на каждом отрезке своего временного развития представляла собой отдельное и особенное государство: Киевская Русь, Русь времени ига, Московская, Петровская, светская и будет еще новая, предсказать которую трудно.

Философ приходит к выводу, что для определения характера русского народа необходимо выбирать время, век, характеризующий «русскую идею и русское призвание». Для достижения этой цели Бердяев выбирает временной период с XIX столетия до начала XX, и, начиная с эпохи Александра I, прослеживает причины и процесс формирования русской интеллигенции. Бердяев считает интеллигенцию исключительно явлением русского социально-исторического процесса: «Русская интеллигенция есть особое лишь в России существующее духовно-социальное образование» [1, с. 23]. Именно благодаря интеллигенции, которая жила будущим и за него готова была идти в тюрьму, на каторгу, на смерть, в России были распространены и популяризированы идеи Гегеля, Шеллинга, Фейербаха и Маркса в той степени, в какой этого не было на их Родине. Только интеллигенция с ее вечной неудовлетворенностью социальным устройством, развитием истории не только в будущем, но и в прошлом, которое и изменить-то нельзя, могла породить движения славянофилов и западников. Рассматривая эти движения, Бердяев приходит к парадоксальному выводу, что и те и другие противопоставляют «буржуазному миру мир русский», который олицетворяет интеллигенция – «образованное меньшинство». Это противопоставление он находит в сочинениях «поздних» славянофилов и западников и подмечает, что и славянофилы, и западники предвидели и пытались предотвратить пришествие варвара-вандала (но западники видели угрозу во «внутреннем» грядущем варваре, а славянофилы опасались пришедшего извне).

Исследуя русскую мысль о взаимоотношения отечественного и европейского, Бердяев не может обойти вниманием книгу «Россия и Европа» неославянофила Данилевского. Бердяева интересует, выявленный Данилевским, особый, потенциально наиболее полнокровный славяно-русский тип, определяемый религиозным, культурным, и общественно-экономическим элементом, и который не является, в общем-то, ни европейским, ни азиатским, что обусловлено этническими и историческими причинами. Данилевский противопоставляет Россию европейскому («германо-романскому») миру и считает, что «для всякого славянина... – после Бога и Его святой Церкви – идея славянства должна быть высшей идеей» [2, с. 133]. Эта идея должна привести к федерации всех славянских народов и, впоследствии, уничтожению Австро-Венгрии и Турции. Также Данилевский считает, что не существует никакого, в том числе и духовного, приемлемо-

го всеми народами общенационального идеала – это относится и к славянскому культурно-историческому типу.

Бердяев, полемизируя с Данилевским по поводу отношений общечеловеческой и национальной культуры («родового и видового»), приходит к выводу о сосредоточии «универсально-общечеловеческого» в «индивидуально-национальном, которое делается значительным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» [1, с. 30]. Эта идея определит многие положения философии Бердяева относительно выражения русской мысли в литературных формах – в произведениях Достоевского и Толстого, которые «очень русские, они невозможны на Западе, но они выразили универсально-общечеловеческое по своему значению».

Бердяев неоднократно обращается к творчеству своих предшественников (и Данилевского, и его оппонента Владимира Соловьева, и Константина Леонтьева) и – несмотря на расхождение по ряду позиций – в общем, приходит вместе с ними к выводу, что у России особый путь в мировой истории. Но именно способность русского характера и сознания (менталитета) выражать общечеловеческое определит позицию Бердяева относительно предназначения русского народа и его неизбежной роли в судьбе мира: русскому народу предстоит разрешить вопросы, перед которыми Запад капитулировал – и, в первую очередь, это вопросы морали.

Бердяев, конечно, понимает, что морально-этическая проблематика, поднимаемая в литературе не менее актуальна и для философии. Обусловлено это тем, что русская философия XIX века по преимуществу носила религиозный характер (это вообще отличительная черта русской философии). Но историческое православие, по его мнению, не могло в достаточной степени раскрыть тему человека и его предназначения в мире, ибо христианской истине об образе и подобию человека Богу противостоит антропологическое историческое христианское учение о человеке как о почти неисправимом грешнике. Поэтому, по мнению Бердяева, раскрытие насущных для светской философской мысли социальных вопросов на основе богословской традиции трудновыполнима, а вот литературная мысль раскрывает суть человека в самых разных ее социальных проявлениях. Поэтому литературу он считает наиболее универсальной формой для выражения философских идей.

Одно из первых мест в этом важнейшем процессе взаимопроникновения художественного, философского и религиозного он отводит Достоевскому – творчество Достоевского есть лучшее доказательство тому, что русская философская мысль развивалась, прежде всего, в художественной литературе. Оценивая философскую мысль в литературе – не только в творчестве Достоевского, но и Толстого, Гоголя и др. писателей – Бердяев приходит к выводу, что «русская философия, развивающаяся вне академических рамок, всегда была по своим темам и по своему подходу экзистенциальной» [1, с. 49].

Бердяев отмечает, что только в начале XX века были оценены результаты русской мысли предшествующего столетия и подведены некоторые философские итоги. Это он связывает с философским содержанием критики того времени. Именно в начале XX века критика оценила по достоинству великую русскую литературу – прежде всего, Достоевского и Толстого. Правдивость перестала быть основным художественным критерием (как у Добролюбова, Белинского, Писемского). В осмыслении литературного творчества появляется «двоящая мысль»: художественный, созданный, творческий мир становится самоценен – как например, у Мережковского, который «играет сочетаниями слов, принимая их за реальность» [1, с. 238], и который, действительно, видит в Достоевском и Толстом вечных и вполне реальных спутников и собеседников. В XX веке реализм утрачивает свои позиции не только в литературной критике и вообще в искусстве, но и в общественной жизни в целом. Левые интеллигенты и их духовный лидер Чернышевский перестают влиять на формирование общественного сознания. Со второй половины 80-х годов XIX века, когда начала образовываться новая «культурно-философская среда», появились новые философские журналы: «Вопросы философии и психологии» под редакцией Грота, «Северный вестник» под редакцией Воынского, журналы ренессансного направления – в том числе, «Вопросы жизни», в котором печатались Мережковский, Минский, Бальмонт, а значит, царил символизм и аллегоризм. Так началась эпоха «русского духовно-культурного ренессанса», который левой интеллигенцией был воспринят как измена освободительному движению, предательство народных интересов, как реакция. Обнаружив в Ренессансе века двадцатого стремление к творческим вершинам девятнадцатого столетия, Бердяев отмечает, что в обществе «в пылу борьбы часто недооценивали ту социальную правду, которая была в левой интеллигенции и которая остается в силе» [1, с. 239].

Бердяев считает, что «дуализм» и «расколотость» продолжают быть характерными для русского «миросозерцания» начала XX века, в котором смешивается и противостоит не только историческое православие и светское философское мышление, но и «ренессанс христианский с ренессансом языческим». Общество, проникаясь научными и социальными идеями, часто воспринимая их на веру (без анализа и понимания), создает себе новых идолов и идеологию, характерную для мифологическо-религиозного сознания, что, затрудняет систематизировать взгляды на мир (и, по-видимому, не позволяет Бердяеву использовать понятие «мировоззрение», а не «миросозерцание»). Бердяев также сравнивает Русский Ренессанс с германским, но выделяет типично русские черты: «религиозное беспокойство и религиозное искание, постоянный переход философии за границы познания, а поэзии – за границы искусства» [1, с. 265]. Бердяев приходит к выводу, что «русские искания начала XIX и начала XX веков свидетельст-

вует о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа ... религиозного по своему типу и своей душевной структуре» [1, с. 266]. По мнению Бердяева, нигилизм, атеизм и марксизм, попав на русскую почву, приобрели религиозную окраску.

Русские люди XX века – даже не религиозные – продолжали и продолжают искать Бога, Божью правду, создавать Царствие Божие на земле, что выражается в идее строительства коммунизма (несмотря на «воинствующий атеизм» Советского государства). И это царствие должно быть для всех – не только для соплеменников и соотечественников. Русский народ собран – как русская душа отвергает идею о личном индивидуальном спасении в загробном мире, так для русского социального сознания невозможно справедливое государство только для одного народа.

Идея всеобщего блага направляет русскую мысль на оправдание и обоснование необходимости страдания и самопожертвования – отсюда готовность русского народа сопереживать и откликаться на чужие, часто далёкие от собственных национальных интересов, беды. Запад не знает «такой коммюнитарности», которая присуща русским, несмотря на то, что в отличие от западных европейцев, как считает Бердяев, русские менее социализированы. Пережив русские революции и будучи вынужденным эмигрировать, Бердяев не мог не отозваться на события, формировавшие Советскую Россию, и не попытаться осмыслить последствия радикальных социальных изменений в судьбе своего Отечества и народа. По мнению Бердяева, мутации русского сознания в результате революции возможны и даже неизбежны, но божий замысел о народе, который выражает «русская идея», изменить нельзя: русский человек сохранит его в своей душе, останется ему верным, несмотря ни на что – ни на какие испытания и искушения.

Процессы возрождения в современной России культурно-религиозных традиций и духовных ценностей, не истребленная никакими тяготами способность нашего народа сочувствовать чужому горю и помогать в беде не только ближнему своему – свидетельства правоты Николая Бердяева и неуточжимости «русской идеи» в общественном сознании. Волонтёрство, благотворительность, общественные организации и фонды помощи обездоленным, сломленным болезнью и несправедливостью, литература и, даже в большей степени, публицистика, остро освещающая проблемы современного мира – это новая жизнь «русской идеи». И это тот опыт российской жизни, который может быть перспективен в качестве предмета научно-философского исследования – осмысления вечного, неисчерпаемого и наносного, изменчивого в русском мировоззрении и культуре.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Париж: YMCA-Press, 1946.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб, 1871.